

АЛЕКСАНДР ГРЯЗЕВ

ДАВАЙ ПОГОВОРИМ

РАССКАЗ

*Обыкновенный русский человек,
Каких у нас в России миллионы.
Обыкновенный русский человек,
В свою страну по-рыцарски влюблённый!*

Из песни 50-х годов XX века

В этот пивной бар на нашей городской окраине мне приходилось заглядывать редко: находился он на первом этаже большого многоэтажного дома у самого автобусного “кольца”, до которого, добираясь из центра домой, я почти никогда не доезжал, выходя на две остановки раньше. Но сегодня решил проехать именно до “кольца”, погулять там по окрестностям, а заодно и пивка пропустить кружечку-другую в том самом баре.

Выйдя из автобуса, я огляделся. Метрах в ста от асфальтового пятячка разворота начинались деревенские огороды и дома пригородного села. А там, где ещё в прошлом году было хлебное поле, стояли рядами новенькие кирпичные гаражи, недалеко от которых возвышались такие же новые пятиэтажки.

“Ах, город село таранит!” — пришли на ум давние рубцовские строчки. Наверное, потому, что автобус привёз меня на ту самую грань “меж городом и селом”...

ГРЯЗЕВ Александр Алексеевич родился в 1937 году в селе Борок Буйского района Костромской области. Служил в воздушно-десантных войсках. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт. Автор книг прозы “Подобру да поздорову”, “Чтобы свеча не угасла”, “Грех игумена”, пьес “Всего два дня”, “Одиноким предоставляется общежитие”. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Гулять расхотелось, и я направился к пивному бару.

Была середина дня, и пивом наслаждались немногие посетители. Это вечером здесь будет шумно и дымно: мужики по пути с работы домой обязательно завернут сюда охладить горячие души, а уж поговорить при этом — нет ничего важнее.

Впрочем, посетителей мне особо рассматривать не пришлось, а, подойдя к стойке бара, я взял кружку пенистого янтарного напитка, которую мне наполнила молоденькая ясноглазая девица, и сел за свободный стол у самого окна, за которым суетилась городская улица с небольшим рынком как раз напротив бара. Пиво всегда располагало к неспешному размышлению, но не успел я сделать и первые прохладные глотки, как к моему столу подошёл с кружкой же пива небольшого росточка пожилой мужичок в легкой светлой куртке.

— У тебя свободно? — спросил он и, не дожидаясь ответа, неожиданно добавил: — Давай поговорим.

— Свободно, — кивнул я. — Садись, поговорим.

Показалось, что мне где-то уже приходилось видеть этого человека, но сразу никак не вспоминалось.

— Яша, — протянул руку мужичок и сел за стол напротив меня.

Я назвал себя и тут же, услышав имя, вспомнил, где его видел. Передо мной сидел Яша-Антисемит...

...Было такое время, хотя и в прошлом уже веке, но не столь от нас далёкое, когда водку в магазинах нашего города вдруг стали продавать только до семи часов вечера, объясняя это борьбой с пьянством и алкоголизмом. И вот с таким решением городских властей этот Яша никак не мог смириться. Он выступал перед очередями мужиков у винных лавок и магазинов, призывая идти с протестом к городскому комитету властвующей тогда партии, собирав подписи под сочиненным им же письмом в редакции местных и центральных газет.

Все, помнится, с ним на словах соглашались, но никто делом Яшу не поддерживал и никуда с ним не ходил. А он всё равно не успокаивался и продолжал выступать против продажи водки до семи часов вечера, за что и был прозван “Антисемитом”.

Яша ещё долго бегал по этажам власти и даже, говорят, попал на приём к какому-то приехавшему в город высокому московскому чину. Но всё было напрасно. Правда, власти какое-то время меняли правила продажи водки: жаждающим её стали “отпускать” до десяти часов вечера, а потом ввели даже талоны на спиртное. А про Яшу говорили ещё, что он когда-то преподавал в местном “политехе”, но по какой-то причине из института ушёл.

Лично я его не знал, и говорить нам сейчас, казалось, вроде бы не о чем. Хотя Яша, очевидно, был из тех мужиков, которые быстро сходятся с людьми и для которых каждый встречный человек товарищ и брат. И я не ошибся.

— Давно тут у нас живёшь? — спросил Яша.

— Да нет. Недавно переехал из центра.

— А что так? Квартиру получил?

— Нет... Разъехались с дочкой. Мы с женой сюда, а они в центре остались.

— Надо же! — удивлённо воскликнул Яша. — И у меня почти такая же история. Только мы с младшим сыном разделились. Никак жена моя с молодой сношкой на кухне ужиться не смогли. Вот и пришлось разбежаться... На пенсии?

— Да, недавно вышел.

— Я тоже на пенсии. Уже третий год. Ну и как тебе живётся теперь?

— Да как и всем обманутым трудовым пенсионерам. Я ведь чиновником не был.

— Да, у чиновных пенсия достойная, — согласился Яша. — А нашего брата власти стригут от хвоста до гривы.

— Это я уже почувствовал. Не успеваем шерстью обрасти.

— Так ведь шерсти не будет — брить начнут. Господам во власти и депутатам всякой масти, особенно тем, кто из грязи вышел в князи, по-гос-

подски и жить охота. Они говорят, что если мы с тобой хорошо жить начнём, то страна наша бедной станет... Перед мировым сообществом им за это неудобно, видите ли. Вот и обдирают рядового человека.

— Но мы, рядовые, и сами виноваты, что нас так стригут, да по три шкуры дерут.

— Почему?

— Молчим потому что.

— Так-то оно так. Но что толку в разговорах?

— Я имею в виду не только разговоры.

— Понимаю... Я всё это уж давно прошёл. И говорил и выступал, демонстрации устраивал, письма в Москву писал. Одно даже в мавзолее Ленину. Только по другому поводу.

— Помню... Я тогда тоже в центре жил.

— Помнишь? Ну вот. А что толку? Только кличку “Яшка Антисемит” и заработал.

— Как что толку, — не согласился я. — Зато теперь и пива, и вина, и водки много, пей хоть в три горла. Причём — круглосуточно.

— Ну это уже не моя заслуга, а людей, как говорится, власть держащих. Они и спаивают народ православный. Я хоть и поздно, но понял, что водка тоже наркотик. А власти наши этого до сих пор не признают. Отсюда и все беды наши... А ты на выборы-то ходишь? — неожиданно спросил Яша.

— Хожу.

— А я давно туда дорогу забыл.

— Что так? Ведь это как раз и есть дело, а не разговоры.

— Я в этом деле разочаровался. Сперва было так: за кого я голосовал, тот никогда не побеждал. Потом в газетах прочитал как-то о доходах кандидатов в верховную власть, где почти у всех по миллиону на сберкнижках. Вот тогда я впервые и голосовать не пошёл.

— А почему? Ты против миллионов на сберкнижках? А если они честно заработаны?

— Честно заработанные миллионы — это такая редкость... Не нами ведь сказано, что от трудов праведных не построишь палат каменных... Я не против миллионов на банковских счетах, но никогда не поверю, что, придя во власть, миллионер будет заботиться о нас, рядовых грешных.

— А если миллионер — благотворитель? Если он своими миллионами людям добро делает? Есть ведь и такие.

— Ну тогда и разговор другой... Да, есть такие ребята. Но их во власть не больно-то и пускают, а другие и сами туда не идут.

— Капитализм и демократия несовместимы?

— Да какая может быть демократия на рынке?! Когда человек человеку — волк. Даже брат брату, а сын отцу. Где царствует дух наживы, там нету места духу братства. Какая уж тут демократия! И все, кто говорит о ней — лицемеры.

— Так что же делать? Как-то ведь надо возрождать Россию.

— Возрождать?!.. Конечно, надо. Только вот с кем сейчас ты будешь это делать?

— Как с кем? Вместе со всем народом.

— А кто сейчас народ?

— Как это кто? Ты, я, все мы....

— А ты погляди вокруг и подумай... воры, бандиты, мошенники — это народ? А проститутки, божжи, алкаши и наркоманы — народ? А бесноватая молодежь на рок-концертах или футбольные фанаты на стадионах — тоже народ? А продажные чиновники и разного рода начальники, депутаты опять же — те и вовсе живут на верхних этажах. Они что — тоже народ? Нет, нет и нет! Они все уже давно вышли из народа и стали просто населением. Остались только работяги, сельские жители, пенсионеры, да те, кто в церковь ходит... Вот возьми хотя бы этих мужиков, — кивнул Яша на посетителей бара. — Выведи их на улицу, построй и объяви, что сейчас пойдём возрождать Россию. Они согласятся и пойдут... Даже побегут... Но только опять сюда, в пивную.

Возразить Яше мне было нечего, да и не понадобилось. К нашему столу подошел мужичок в засаленной, неопределенного цвета куртке, держа в руках недопитую кружку пива. Лицо его, заросшее недельной щетиной с проседью, счастливо улыбалось, и глаза радостно светились.

— Привет антисемитам! — весело произнёс мужичок, обращаясь к Яше.

— От антисемита слышим, — также весело ответил тот. — Здорово, Саня! Как жизнь?

— А как в Польше: у кого денег больше, тот и пан.

— Это Саня Смирнов, — представил мне мужичка Яша. — Старожил сего заведения.

Мы поздоровались.

— Точно так. Первооткрыватель, — подтвердил Саня. — А я сижу вон там с мужиками, потом думаю: дай подойду.

— Ну и правильно сделал. О чём там ребята шумят?

— Да как всегда. О том, что такое демократия и как с ней бороться... Я вам не помешал?

— Ну что ты, Саня. Садись, да заодно и соври чего-нибудь.

— Обижаешь, Яша. Когда я тебе врал?

— Ладно, ладно. Не будем уточнять... Что-то я тебя, брат, давно здесь не видел. Где пропадал?

— Так отдыхать ездил.

— На Канарские острова?

— Шутишь? Я чего тебе — муж Елизаветы Егоровны?

— Кто такая?

— Как это кто? Английская королева.

— А, ну да, — смеясь, согласился Яша. — А ты похудел, однако, на отдыхе-то.

— После санатория я на диету пенсионера сел, а на ней маргарином не обрастёшь.

— Что за диета?

— Записывай: суп “Светлана” — это когда почти одна вода, чай вприглядку и пироги ни с чем.

— Знакомое меню. Добавь сюда ещё кильку в собственном поту... Демократия, однако. Новый образ жизни... Что и говорить, в странное время живём: одной ногой всё ещё якобы в социализме стоим, а другой в капитализм вляпались. Вопрос только в том, как долго мы так враскорячку стоять будем? А, Саня?

— Ну, наше дело не рожать. Наше дело только ждать.

— А чего ждать? Как всегда, лучшей жизни, которую нам принесут на блюде с гарниром?

— Не-не знаю, Я-я-Яша. Но хо-хо-телось бы и х-х-хо-хорошо по-пожить, — неожиданно заикаясь, заговорил Саня.

— А чего это ты вдруг заикался-то? — удивлённо произнёс Яша. — Случилось что, или выпивал вчера без пищевой добавки?

— Не-н-нет, я за-закусывал, вроде... Про-просто ка-ак вспомню один с-с-случай, рас-строюсь и с-с-разу за-за-заикаться на-на-начинаю.

— Что за случай? Давай рассказывай.

— Я ведь тебе говорил, что о-о-отдыхать е-е-ездил?

— Ну.

— Так вот, пу-путёвку мне, это з-значит, се-се-сестра ку-купила в санаторий “Ста-старый источник”. Здесь не-недалеко под городом...

— Знаю, бывал. Хороший санаторий, — кивнул Яша.

— Н-ну да... По-поехали мы, это зна-значит, отдыхать. Я, моя се-сестра и её..., ка-как это, друг...

— Бойфрэнд по-нынешнему.

— Н-ну да, д-друг по постели... При-приехали в са-са-наторий. День о-отдыхаем, два о-отдыхаем, три о-отдыхаем... Я ху-хуюею, се-сестра ху-хует, д-друг по-постели се-сестры то-тоже хует. Ну, де-делать нечего — по-ошли к до-доктору. Доктор по-осмотрел, говорит: надо пить козье мо-молоко... Ну, мы в со-седней де-деревне у ка-каких-то му-мужиков ку-купили

козу. Я до-доить не у-умею, се-сестра до-доить не-не умеет, друг по постели се-сестры тоже не умеет. Ну, де-делать не-нечего — стали со-сосать... День со-сосем, два со-сем, три со-сем. Я ху-дею, се-сестра ху-худеет, друг по постели се-сестры тоже ху-худеет. Ну, де-де-лать не-нечего — повели ко-козу к до-доктору. Доктор по-осмотрел, говорит: это козёл...

— Ну и каков финал? — смеясь, спросил Яша. Я тоже не выдержал и расхохотался.

— А что финал, — вполне серьёзно ответил Саня. — Се-сестра за-забеременела, друг по-по постели се-сестры в больнице, а я вот за-заикаться стал.

— Хорошо врёшь, Саня. Я давно говорю, что в тебе пропадает артист разговорного жанра.

— А когда я тебе врал? — не заикаясь сказал Саня.

— Ладно, ладно. Скажи лучше: а себе там в санатории ты подружку не завёл? Сейчас ведь всё просто. Познакомился и сразу в постель. Так?

— Да всё было, Яша. Там этого добра... — Саня махнул рукой. — И ты знаешь, чего я заметил?

— Ну?

— Сейчас постель даже не повод для знакомства.

— Ну, знамо дело, не наши времена. Вот, помню, когда я со своей бла-говерной гулял, то и мне однажды сладкого захотелось. Я где-то в уголке её и прижал. А она: ничего, говорит, у тебя не получится, не лезь и даже не мысли. Вот, говорит, замуж возьмёшь, так хоть ложкой хлебай.

Яша опять расхохотался, а Саня вдруг засобирился от нашего стола.

— Пойду я, мужики. Спасибо за компанию. Мне ещё кое с кем погово-рить надо.

— Давай, Саня, будь здоров, — подал Яша руку приятно, а когда тот отошёл, обернулся ко мне. — Хороший мужик, весёлый. Только у него бы-вает недержание речи. Каждый день новая история. Где их только и берёт?.. Ну что, может быть, ещё по кружечке?

Я согласился, протянул Яше деньги, и он направился к стойке бара, а когда с полными кружками возвращался обратно, то у самого стола с ним едва не столкнулись два шустрых мальчугана, ворвавшиеся в бар и подбе-жавшие к витрине со сладостями.

— Эй, орлы!.. Чуть с ног не сбили... Игоряха?! — узнал Яша одного из мальчишек. — Ну-ка иди сюда...

— Чево? — спросил мальчик в кепке с длинным козырьком, надвину-тым на левое ухо, и подошёл к Яше.

— Это ты меня спрашиваешь? А я у тебя хотел узнать про то, что ты тут делаешь? Ты ведь в школе должен быть.

— А мы с Димкой с последних уроков сбежали.

— С каких?

— С литературы да истории.

— Учебный год только начался, а вы уже с уроков бегаете. С уроков во-обще уходить нельзя. Особенно с этих. Иначе Митрофанушками вырастете.

— Какими?

— Это ты у своей учительницы по литературе спроси... Неучами, зна-чит... Сей отрок — мой сосед Игоряха из нашего подъезда, — пояснил мне Яша и продолжил свой разговор. — Козырёк-то зачем на самое ухо повер-нул?

— Не знаю. Сейчас все так делают.

— Помню, в мои детские годы таких ребят с козырьком на одно ухо у нас в деревне дурачками звали.

— Сейчас время другое, — молвил Игоряха.

— Да-да... дурацкое... Я слышал, что мамашу твою опять в школу вы-зывали.

— Ага, вызывали.

— А что случилось? Чего на этот раз отмочил?

— Да я по физике отвечал...

— Ну?

— Ну, училка меня и спросила: как по-другому можно назвать ёмкость для воды?

— А ты?

— Я говорю — презервуар.

— А она?

— Она говорит, что не “пре”, а “ре”...

— А ты?

— А я говорю: ну тогда резерватив... Она меня из класса и выгнала.

— Правильно сделала. И кто тебя так отвечать научил?

— Папка.

— Где он сейчас?

— Наверно, пьяный дома лежит.

— А чего он не работает?

— Говорит, что у них завод остановился. Работы нет.

— А вы куда направляетесь?

— Мы жвачки купим и пойдём к Димке мультики по телевизору смотреть.

— Хорошие или американские?

— Не знаю. Что покажут, то и будем.

— Ладно, бегите. А жвачки тут не берите. Вот вам лучше по конфете. — Яша полез в широкий карман своей летней куртки. — Где-то были... У дядюшки Якова много товара всякого — каждого жита по лопате... Ага, вот, нашёл. Держите, да сюда больше не ходите.

Яша подал конфеты-карамельки ребятам, и они побежали из бара.

— Тупой мальчик, но академиком будет, — сказал Яша, глядя на убегающего юного соседа.

— Академиком? — настала очередь удивиться и мне словам собеседника. — И какой же академии?

— Так ведь их много сейчас развелось. Ну, например, одна из самых смешных — академия телевидения. Там очень много тупоголовых.

— Не скажи, — возразил я. — Там умно научились оболванивать людей разными шоу, пошлой эстрадой и враньём.

— Что и говорить, вранья там предостаточно. Но в этом-то и есть их тупоголовость. Ведь за всё своё враньё им когда-то придётся отвечать. Тем более, что они ведают, что творят. А входят в каждый дом. Поэтому...

Договорить Яше не удалось: у нашего стола, как из-под земли, явился ещё один посетитель бара. Он был заметно навеселе, да к тому же ещё и пел:

— “Я был в прошедшую войну убит прямой наводкой. С тех пор всё время от меня немножко пахнет водкой”, — закончил куплет своей песни мужик и протянул руку Яше. — Здорово, Яша! Давай поговорим! Можно?

— Нет, Юра, сейчас не могу, — пожал Яша протянутую руку и кивнул в мою сторону. — Видишь, уже разговариваем.

— Молчу, характер мягкий, — кивнул Юра.

— Ты извини, Юрок. В другой раз поговорим. Лады?

— Понял, Яша, понял... Я ведь не дурак — у меня справка есть... Ухожу, ухожу, ухожу.

Небритое, с опухшими подглазьями лицо мужика не выражало никакой обиды, и он, напевая, направился к другому столу.

— Жалко мужика, — вздохнул Яша. — А я ведь ещё деда его помню. Фронтовика, танкиста... Мы жили рядом. Тот, бывало, когда выпьет, тоже запоёт свою любимую: “Я из боя вышел, командир пропел: почему ты, Ваня, в танке не сгорел? Очень извиняюсь, я им говорю, в следующей атаке обязательно сгорю”... Споёт и заплачет... Сын его, Юркин отец, в Венгрии в пятьдесят шестом лиха хватил, сам Юрка в Афгане чуть не сгинул, а сын его из Чечни пришёл без ног... Теперь Юрка и поёт свою песню. Такая вот преемственность поколений. Жуть!

— Сегодня так же или иначе многие страдают. И что же делать?

— Жить, конечно. Как жили наши предки и до нас. И тоже страдали.

— Но сейчас рядовому человеку с каждым, считай, днём, жить всё труднее становится. Если так и дальше будет, то...

— Если так будет продолжаться и дальше, — подхватил мои слова Яша, — то в один из осенних дней в реку Москву войдёт и станет против Кремля какая-нибудь баржа под названием “Утренняя заря”... Хряснет из палубной пушки по Большому Кремлёвскому дворцу. И по этому сигналу с Красной площади через Спасские ворота ворвутся в Кремль толпы обездоленных, униженных и оскорблённых нынешней властью людей, всё и всех сметая на своём пути. Они установят свою власть. И будет это, как и положено, власть народа — подлинная демократия... Шутка, конечно.

— Но об этом совсем не шуточно сейчас говорят и пишут открыто.

— Верно. Потому что не все на Руси караси — есть и ерши... Только не приведи, Господи, дойти нам до бунта. Кровавого и жестокого... Такого выхода не надо.

— А что же надо?

— Ты верующий? — спросил вдруг Яша. — В церковь ходишь?

— Хожу... По воскресеньям, да по большим праздникам.

— Вот и я недавно вспомнил, что крёщёный... Стал в храм ходить. С батюшкой нашим беседовать.

— О чём?

— О разном. О чём и мы с тобой говорим... О том, что делать и с чего начать.

— А он что?

— Он говорит: начинать надо с себя. Сперва надо себя в порядок привести. Вот, говорит, ты в храм пришёл, то и первый шаг к спасению души своей сделал. Ведь многие из нас продают веру своих отцов и дедов. Берут на себя иудин грех. А спасёшься ты — спасутся и рядом с тобой. — Яша окинул взглядом небольшой зал пивного бара. — Я вот и здесь, может быть, выпиваю в последний раз.

— Что так?

— А завязываю с этим делом. Как-то на исповеди покаялся батюшке в своём грехе пьянства, а он мне сказал, что тот, кто пьёт, продаёт Россию. Я и задумался... Эх, голова моя не кочка, всё о чём-то думает да знать хочет.

— Говорят, что знания увеличивают грусть.

— Грусть — это неплохо. Лишь бы она не перешла в уныние. Уныние же — великий грех.

— Но как же не впасть в уныние, когда видишь, что творится вокруг?

— А ты веру имей. Да не будь одинок. Ищи единомышленников, которые борются с теми, кто тайно и явно ведёт войну против нас, русских, и нашего Отечества... И ещё вот что тебе скажу... Я когда-то преподавал русскую историю в здешнем политехе. Так с той поры запомнил слова историка Ключевского о нашем народе русском: “Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьёт урочный час, он соберёт свои растерянные силы и воплотит их в одном человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно историческую дорогу...” Так что отчаиваться не стоит. Вот я с тобой поговорил, и мне легче стало. А дома меня жена ждёт. Я обещал ей сегодня на ночь сказку почитать.

— Что, она у тебя в детство впадала?

— Да нет. Просто в газете напечатано о том, что мы, пенсионеры, в будущем году станем жить лучше. Она у меня всему верит и с улыбкой счастливой уснёт. А я ещё долго не усну, всё думать буду.

Яша встал из-за стола и протянул мне руку.

— Ну будь здоров. Спасибо за разговор-беседу. Даст Бог — ещё встретимся, поговорим.

Я пожелал ему того же, и он пошёл к выходу.

Мне никуда идти не хотелось, и я направился к стойке бара, за которой уже улыбалась мне ясноглазая буфетчица.